

*Ярков А. П. – доктор исторических наук,
Тюменский государственный университет*

«AUS SIBIRIEN»

(о «немецком освоении» края ко времени Великой Северной экспедиции)

«Aus Sibirien» (Из Сибири) – под таким заголовком выпустил в свет труд, составленный по результатам исследования региона, один из выдающихся российских тюркологов В. В. Радлов.

Но Радлов не был первым из немцев, изучавшим край. Прерогатива здесь, несомненно, принадлежит многим уроженцам немецкоязычных территорий, оказавшимся здесь волей обстоятельств (пленные, торговцы, миссионеры, путешественники) задолго до того, как Россия и Германия стали мировыми державами, консолидируя разрозненные земли.

Прежде, чем Стеллер (в Германии его чаще называют Штоллером, Штеллером или Штоеллером) попал в 1738 г. в Азию, сюда уже был проложен «немецкий след». Так, уроженец немецкоязычных земель – католический монах, фламандец Г. (В.) Рубрук (Рубриквис) в XIII в. собрал во время путешествия вглубь континента (но в Сибири не был) и обнародовал разрозненные сведения об его населении. По всей вероятности, первым из немецкоязычных авторов, оставившим письменные воспоминания – «Reisebuch» о реальном пребывании в 1415–19 гг. в Сибири /Ibissibur/. является баварский солдат И. (Г.) Шильтбергер – пленник золотоордынского хана Едигея (1).

Как отмечает в этом сборнике М. А. Сагидуллин, голландец А. Кампензе в письме Римскому папе Клименту VII в 1523–24 гг. сообщал о сибирской земле. Приближенные Фридриха I и Максимилиана III просили разрешить пройти по Оби, но московский царь Иван III опасался, «как бы человек императора германского не погиб среди невзгод далекого пути и среди враждебно настроенного населения зауральских земель».

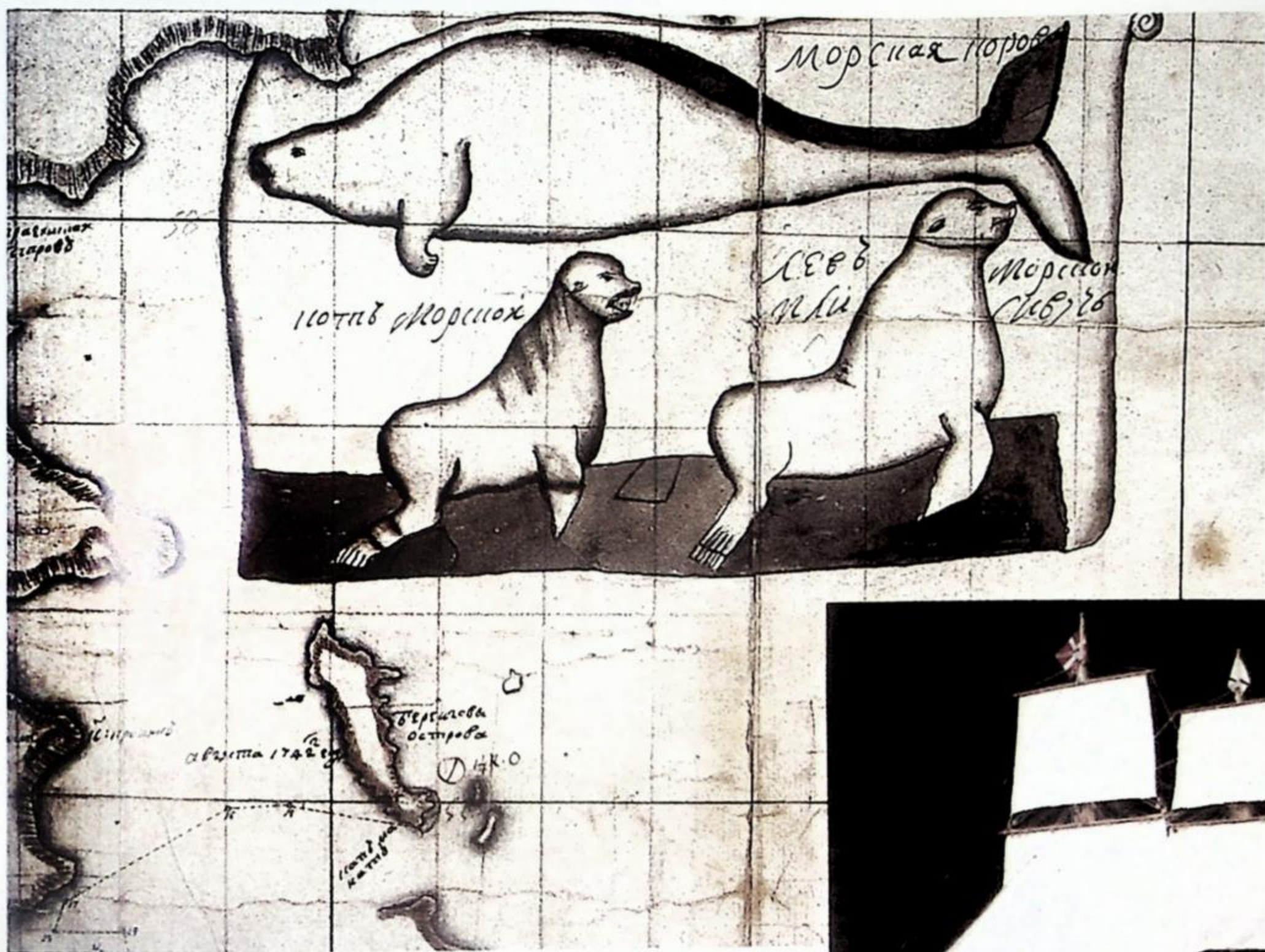
В том же XVI в. служивший командиром отряда у Ивана Грозного вестфалец Г. Штаден сообщал о населявших регион угорских и самодийских племенах, хотя он не был в Сибири, как, впрочем и немецкий и австрийский посол С. фон Герберштейн, опубликовавший в 1549 г. в «Записках о Московии» материалы об Оби, «вытекающей из Китайского моря», и «землях, расположенных к востоку от нее». Любопытно, что в карте «Московии» он изобразил «Обеа кателлум» (Обскую крепость) и изваяние (Золотую бабу?), которую впоследствии неоднократно рисовали то в виде статуи с жезлом в правой руке, то сидящей на троне с горящим факелом и ребенком.

В XVII в. европейцы расширили представления о крае, знаменуя новый уровень «постижения Сибири». С присоединением ее к Московской Руси здесь появляются разрозненные группы немцев. Так, в 1607 г. в Тобольск сослали «лекаря Фидлера и с ним 52 немца». Фидлер провинился тем, что не смог (хотя и обещал царю Василию Шуйскому) отравить предводителя крестьянского восстания И. Болотникова, а 52 немца оказались пленными, взятыми при штурме Тулы (2).

Что уж говорить о немцах в Сибири, если «Летопись Московская» в 1613 г. свидетельствовала: «Русские, особливо знатного рода, согласятся скорее уморить, нежели отправить своих детей в чужие земли. Они думают, что одна Россия есть государство христианское; что в других странах обитают люди поганые, некрещенные, не верующие в истинного Бога».

Число немцев за Уралом постепенно увеличилось за счет религиозного фактора – в 1622 г. «на государеву службу, служити съ иноземцы» в Тобольск препроводили из Кирилло-Белозерского монастыря «тех Немцевъ, Анца Локмана и Матюшку, что былъ немецкий попъ». К тому времени здесь оказались не только пленные (среди которых был «немчин цесарской земли Кар-

Морская королева, сирена

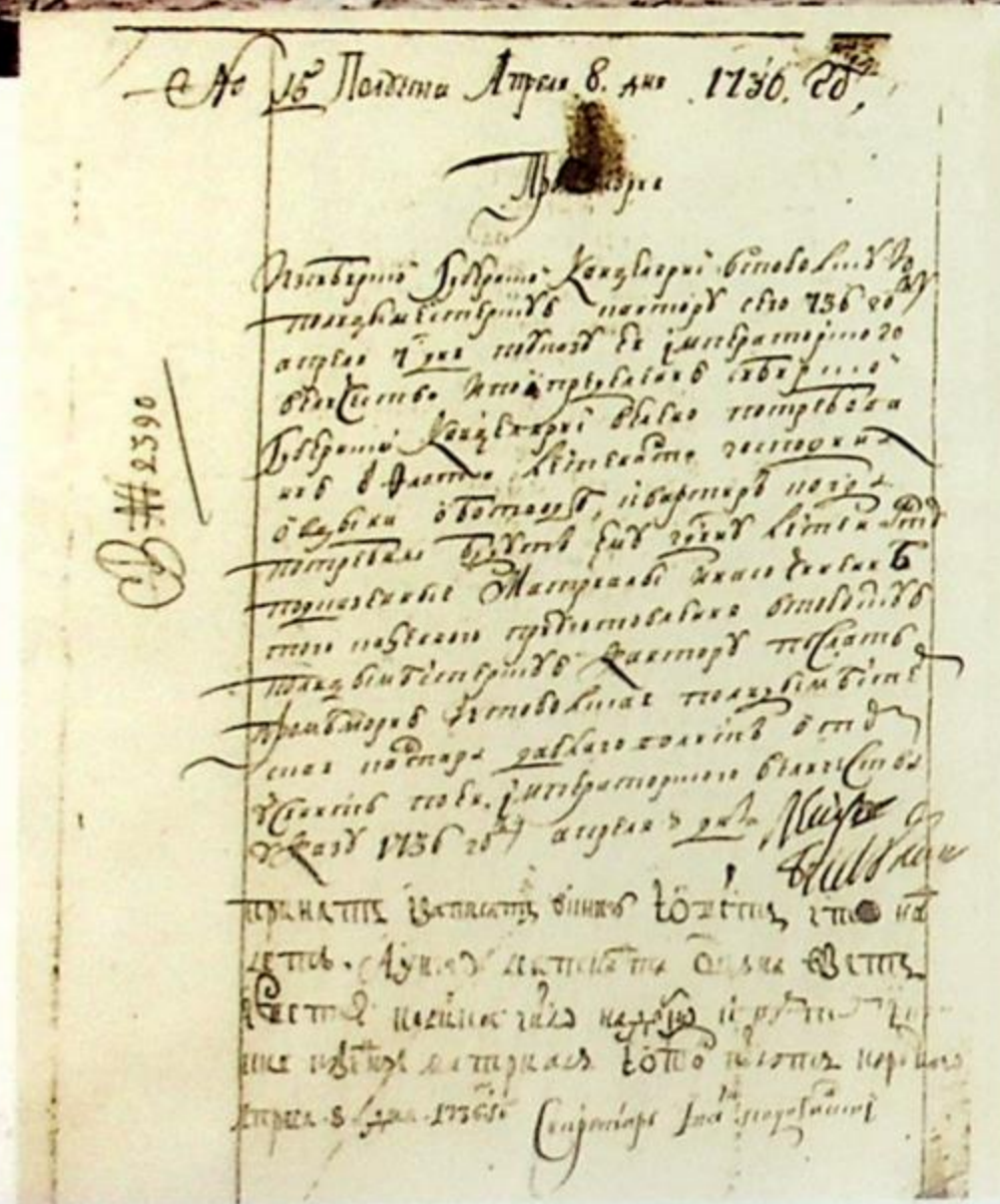

Модель пакетбота "Св. Петр" (г. Хорсенс)

Научные труды исследователей Сибири

Панорама г. Тобольска. И. Э. Гриммель, гравюра 1753 г.

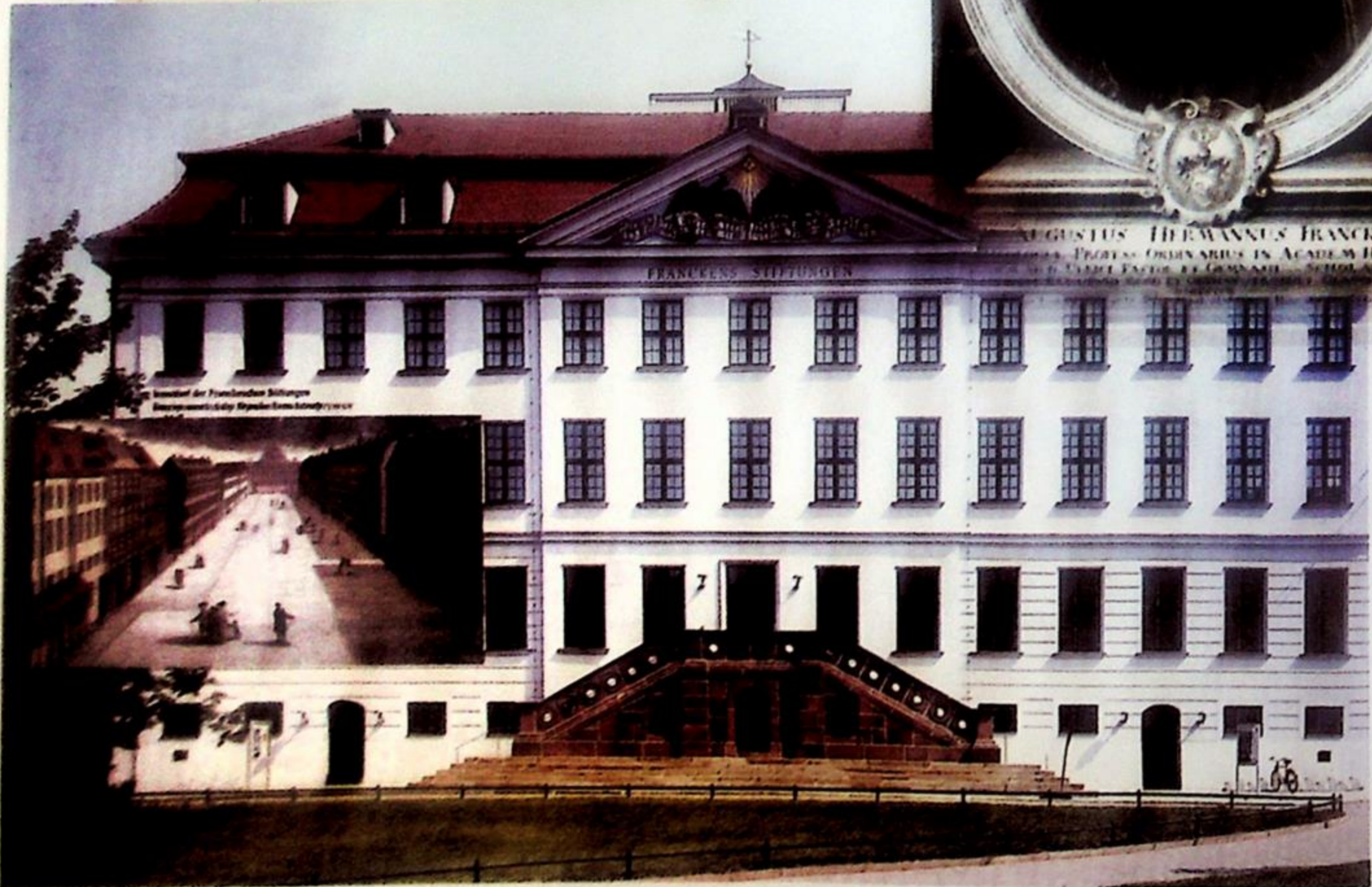

Письмо Д. А. Овцына

А. Г. Франке

AUGUSTUS HERMANN FRANCKE
PROFESSOR ORDINARIUS IN ACADEMIA HALLENSIS
ET DIRECTOR FACULT. THEOL. GYMNASII SCHOLASTICA

Главное здание Franckeschen Stiftungen

баим») и ссыльные, но и служилые «иноземцы». К середине XVII в. число «иноземцев» увеличивается до 170 чел. (3), хотя их этническая принадлежность точно не определена.

Важнее иное обстоятельство – еще не было «Петровского окна» в Европу, а ее уроженцы уже выполняли в Сибири культуртрегерские функции, внедряя инновационные технологии, европейский образ мышления, ответственное отношение к труду. В это период в немецких княжествах протестантская религия (и соответствующий тип морали, этики) в борьбе с католицизмом «отвоевала место под солнцем», внедряя в умы верующих идею построения «Рая» не только на небесах, но и на Земле. Отсюда и новый характер деятельности протестанта, стремившегося расширить границы познаваемого мира. Поэтому глубоко логично, что немало немцев-протестантов оказывалось среди тех, кто стремился «Drang nach Osten». Иные из них вошли не только в историю научных открытий, но и в историю искусства. Так, по результатам своего путешествия по Сибири в 1661–63 гг. барон А. Мейерберг составил альбом рисунков.

Среди «сибирских немцев» были не только протестанты, но и католики. А один из ссыльных католиков (хотя и «отчаянный славянофил») – хорват Ю. Крижанич – в труде «Политика» рекомендовал «избавиться в Сибири от немцев», причисляя к ним всех протестантов (4). Между тем большая часть местных католиков была не немцами, а поляками. Да и первым католическим священником здесь оказался поляк Е. Кавечинский, живший в ссылке в Тобольске и Нарыме в 1660–65 гг.

Освоение края выходцами из Западной Европы проходило трудно. В 1666 г. здесь, тем не менее, уже служило 46 иностранных офицеров (русское традиционное мышление определяло их всех как «немцев»), посланных для организации сибирских полков. Некоторые из них оказались причастными к заговору в Березове и были казнены (5).

Один из офицеров составил в 1666 г. очень подробные этнографические наблюдения о сибирских татарах и бухарцах. Автор хранящейся в публичной библиотеке Копенгагена рукописи на немецком языке неизвестен, но, по всей вероятности, он был немцем, поскольку при описании жилища бухарцев отметил, что их прекрасно построенные деревянные дома имеют большие окна и двери «на немецкий образец». Автор упомянул в своей рукописи около 50 татарских слов, хорошо зная их значение. Позже побывавший в Тобольске англичанин Дж. Б. Антермонский свидетельствовал, что татары «к иностранцам относятся уважительно» (6).

Удивительно, но некоторые «иноземцы» получали здесь европейские газеты, а уроженец Ростока капитан А. Доббин даже создал «Описание Сибири» (7), способствуя тем самым (вместе с другими соплеменниками) внедрению в Россию европейской книжной культуры, о которой спустя десятилетия еще только мечтал Петр I. Побыв в Европе, он увидел, каких успехов достигли мировая наука. И не случайно по приглашению царя стали приезжать в Россию представители немецкой науки, оказавшиеся в ряде случаев на передовых рубежах естествознания, истории, лингвистики... По региону проходили и посланцы России в далекие страны; среди них оказался немец Э.И. Идее, который в 1695 г. издал в Германии «Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)», где содержались интересные сведения о хантах.

Петр I вынашивал планы приобщения населения Сибири к цивилизации через более близкую к его пониманию западную культуру (8). Союзниками Петра в этом вопросе выступили представители Европы, находившиеся на службе российского правительства. Оказались в Сибири полезными 9 тыс. (из них 1000 офицеров) плененных под Полтавой уроженцев Швеции, Польши, Прибалтики, Голландии, Фландрии, германских княжеств. Они «завели там всякого рода фабрики и мануфактуры»; занимались коммерцией; обучали иностранным языкам, математике, музыке, танцам; давали концерты. Некоторые из них, как А. Деловал, преподавали в открытой по указу Петра I в Тобольске школе, о чем указывает в статье в этом сборнике О.И. Воротникова. А «один лейтенант из Бремена» организовал в Тобольске «кукольную комедию, на представления которой стекается множество горожан, не выдавших никогда ничего подобного» (9). В становлении местного косторезного промысла также есть «германский след». Капитан К.Ф. фон Вреех создал в Тобольске в 1711 г. первую частную школу, где обучение строилось по методике профессора Г.А. Франке из Галле (города, где учился Стеллер).

Пленные немцы стремились познать Сибирь и в научном отношении. Капитан И.Б. Мюллер вошел в угроведение брошюрой 1720 г. «Жизнь и обычаи остяков, народа, живущего почти до са-

мого Северного полюса...». А И. Т. фон Страленберг (Табберт) после возвращения в Европу опубликовал книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии», где заметил: «Коренные народы — естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных пороках».

Будучи очень наблюдательным исследователем, Страленберг оказался надежным спутником ученого из Данцига Д. Г. Мессершмидта в его путешествиях по региону. Мессершмидт был здесь с 1710 по 1727 г., но уже в 1719 г. он составил «Карту путешествия от Москвы до главного города Сибири Тобольска и всего того, что лежит по обе стороны дороги». В 1740 г. в составе экспедиции французского астронома Н. И. Делиля в Березове был Т. Кенигсфельд, который вел дневник, проводил топографические съемки, зарисовал поселение.

Таким образом, благодаря военнопленным и исследователям из Европы, ссыльным и служилым российским немцам, в тогдашней столице Сибири была создана особая атмосфера, способствовавшая появлению европейского по характеру «Тобольского типа культуры» (10), который, впрочем, распространялся не только на губернский центр.

Вместе с тем часть европейцев настолько органично восприняла русскую культуру, что решила навсегда связать себя с нею. А когда тобольской православной епархией был введен институт надзирателей за регулярным и правильным отправлением обрядов новообращенными из числа коренных жителей края, то первыми надзирателями оказались сами перешедшие в православие из лютеранства бывшие военнопленные А. Эск (принявший фамилию Андреев), и К. Берх (11).

Принимали православие военнопленные немцы и в годы Великой Северной экспедиции, о чем упоминает С. В. Туров в своей статье. Но большая часть «невольных странников» не отказалась от религии предков, заведя «свои церкви» (12). Отметим, что государство пошло на существенное послабление — в 1721 г. вышел указ, разрешавший военнопленным жениться на православных, не меняя своей веры. Первая в Сибири лютеранская община существовала в Тобольске в 1718–22 гг., а пастором ее был ученик упомянутого профессора Франке из Галле Г. Ф. Вайзе. Вейзе был ревностным сторонником пиетизма (*pietas* — благочестие /лат./) — течения в лютеранстве, придававшего большее значение личному переживанию общения с Богом и самостоятельному изучению Писания, а не соблюдению обрядов: «Бога, Его присутствие, надо ощутить самому. Это важнее, чем ходить в церковь. И читать Библию самому полезнее, чем слушать проповедника».

Надо ли говорить, что для дисперсно живущих на просторах Сибири лютеран эта сторона пиетизма была весьма привлекательной, тем более что статус военного в далеком гарнизоне или ссыльного не располагали к частым посещениям храма или совместного богослужения с единоверцами. К тому же Франке проявлял искреннюю заботу о своих последователях в Сибири, присылая сюда как деньги, так и религиозную литературу на немецком языке, поддерживая среди немцев не только религиозное чувство, но и этническое самосознание.

Протестантов, разбросанных по сибирским просторам, духовно соединяли разъездные священники. Уникальным фактом является то, что к находившемуся в 1742–47 гг. в ссылке в Березове бывшему вице-канцлеру Российской империи графу Г. И. (А. И.) Остерману власти прикрепили пастора. После смерти Остермана на его могиле поставили часовню из кедра с вырезанными скульптурами (13), таким образом, начав историю лютеранских культовых сооружений в азиатской части России.

Немецкое присутствие в крае было осемено именами и других ссыльных — бывших вельмож: регента Российской империи графа Э. И. Бирона, генерал-фельдмаршала графа Б.-Х. Миниха, рижского губернатора Бисмарка и др. К тому времени в Тобольске, Тюмени, Березово, Пелыме уже проживало немало российских немцев: врачей, офицеров. Эти люди стали «немецким культурным фоном» Сибири I пол. XVIII в., безусловно, украшенном именами участников Великой Северной (I Академической) экспедиции 1733–43 гг., которые не только знали о существовании здесь соплеменников — ссыльных или обычных жителей. С ними они встречались и говорили на родном языке, совместно (не всегда имея священников) отправляли католические или лютеранские обряды, читали Библию.

Основоположник «Тюменской стеллерады» В. Е. Копылов указывает, что в Тюмени Стеллера приютил протестантский священник (14). Что за пастор приютил, а затем, по всей вероятности, и произнес слова молитвы во время погребения Г. В. Стеллера в ноябре 1746 г.?

Целью Великой Северной экспедиции, как известно, было исследование Ледовитого и Тихого океанов, изучение возможностей плавания вдоль азиатских берегов. Но значение научных открытий экспедиции распространяется далеко за рамки географии и за пределы Сибири. Об этом в данном сборнике рассказывают Н. А. Балюк, З. В. Безденежных, М. С. Выхрыстюк, С. Н. Гашев, М. Н. Казанцева и др.

Здесь же отметим, что профессору Г. Ф. Миллеру только по инструкции поручалось: «1.... наблюдать, где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собой, смешаны или нет. 2. Какие суть каждого народа древние жилища, поселения, дела. 3. Какая есть суть в каждом народе вера, и имеют ли они какую естественную? 4. Примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные... 6. Об языке каждого народа сделать несколько примеров, например, переводы Господней молитвы, числа, существительные. Употребительные имена и т. д.».

Для выполнения ответственного поручения Миллер в состав экспедиции включил известных немецких ученых: естествоиспытателя И. Г. Гмелина, историка И. Э. Фишера, этнографа И. П. Фалька, переводчика Я. Линденау (15), прошедших трудными дорогами Сибири. А созданная в 1742 г. участником экспедиции И. В. Люрсениусом панорама Тюмени стала достойным началом последующей многолетней иконографии города.

Сам Г. Ф. Миллер собрал немало информации «по словесному объявлению татар и бухарцев» о культе местных святых – когда-то пришедших сюда исламских миссионеров. Миллер заложил основу для последующего научного исследования культовых построек на месте их захоронений – астана. В силу конфессиональных факторов уроженцы православной России еще не были подготовлены объективно оценить культурно-историческое значение самого факта принятия ислама народами Сибири.

Было бы исторически несправедливо, конечно, говорить только о «немецком» компоненте экспедиции. В ней были и русские, а среди них – тогда еще студент С. Крашенинников, ставший впоследствии известным российским исследователем – уроки полевых исследований немецких коллег оказались полезными... Об этом рассказывается в статье О. Г. Вороновой и И. В. Кузьмина в данном сборнике.

Сохранилось предание, что участники экспедиции были поражены открывшейся прекрасной панорамой поселения на берегу Оби и воскликнули «Sehr gut», не зная, что у этого поселения есть созвучное немецкому хантыйское название – Сургут (16). Благодаря широкому участию в экспедиции представителей немецкой науки, объективно и беспристрастно исследовавших регион, «отец сибирской истории» Г. Ф. Миллер признавался: «Сия отдаленная земля... учинилась известнее, нежели самая середина немецкой земли тамошним жителям» (17).

На таком культурном фоне развернулась деятельность Стеллера, которого судьба навсегда связала с Тюменью... Этот фон и будет почвой, на которой будет базироваться «Виртуальный памятник Стеллеру», о котором повествуется в статье В. В. Полещука, А. Н. Сероевой, Е. И. Сухова.

Мир Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и Аляски, безусловно, существовал задолго до Г. В. Стеллера. Но феномен Стеллера состоит в том, что ученый оказался здесь не только проводником европейской цивилизации. Своими научными открытиями, опираясь на труды предшественников и сподвижников (в том числе немцев), он расширил границы познаваемого мира как в Европе, так и в Азии.

Примечания

1. Еманов А. Г. Языческая Сибирь начала XV в. в описании западно-европейского христианина: «Книга путешествий» Иоганна Шильтбергера // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1990.
2. Эйхельберг Е. А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999. С. 6.
3. Там же. С. 7.
4. Там же.
5. Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Ханты-Мансийск, 2000. С. 131.
6. Цит. по: Гарифуллин И. Б. Зарубежные путешественники и участники научных экспедиций о сибирских татарах (в помощь изучающим историю Тюменского края). Тюмень, 1995. С. 4, 7.